

Январь 1862

Роль Пальмерстона в деле о выдаче арестованных эmissаров южных штатов. — Неизбежное падение хлопчатобумажных плантаций в южных штатах. — Желание Пальмерстона прискакать новый предлог для войны с северными штатами. — Отношения умеренной партии и абoлиционистов в северных штатах. — Положение военных дел в Северной Америке. — Мехиканская экспедиция. — Австрийские финансы. — Неосновательность либералов, порицающих австрийское правительство за дефицит. — Итальянские дела.

Мы не находили ничего важного в шуме, поднятом газетами по случаю арестования двух эmissаров южных штатов на английском пароходе капитаном военного парохода северных штатов. Оно и точно: войны из этого дела не вышло. Но если оно оказалось пустым с той стороны, о которой шумели публицисты и маловажность которой мы доказывали, то явилось оно очень замечательным с других сторон, обнаружившихся в нем уже после его развязки.

Пока дело тянулось, дипломатические акты, относящиеся к нему, хранились по заведенному порядку в секрете. Не зная депеш американского правительства, Англия и вся Европа воображали, что английскому правительству необходимо было употребить самые крайние угрозы, поддерживаемые самыми быстрыми энергическими мерами, для принуждения вашингтонского кабинета загладить обиду, нанесенную английскому флагу. Все находили очень благоразумным то, что лорд Пальмерстон, не теряя ни минуты, стал посылать войска в Канаду и эскадру за эскадрой к северно-американским берегам. Газета, служащая органом лорда Пальмерстона, до последней минуты утверждала, что вашингтонский кабинет упрямо противится требованиям Англии, что надежда на мирную развязку очень слаба и даже эта слабая надежда основывается только на том, что северные штаты будут запуганы быстрыми приготовлениями Англии к войне. Что же открывается? Как только пришло в Лондон известие об аресте эmissаров южных штатов, американский посланник сказал Пальмерстону и Росселю, что, сколько он может

угадывать намерения вашингтонского правительства, случай этот не поведет к неприятностям. Несмотря на то, Пальмерстон прямо начал грозить войною, как будто предполагал, что Линкольн и Сьюард не имеют никакой готовности дружелюбно покончить дело. Но гораздо раньше, чем пришла в Вашингтон его грозная депеша, была уже послана оттуда в Англию от Сьюарда депеша, отнимавшая всякую возможность ждать неприятной развязки. Дело в том, что, как только получено было в Вашингтоне известие об аресте эmissаров, кабинет Линкольна решил смотреть на этот случай теми же самыми глазами, какими взглянули на него англичане. Американское правительство всегда защищало неприкосновенность нейтрального флага против английского правительства, поступавшего с нейтральными кораблями точно так, как американский капитан поступил с пароходом, который вез эmissаров. Поэтому вашингтонский кабинет отступился бы от собственного принципа, если бы отказался признать неправильным поступок своего капитана. Таким образом, Сьюард тотчас же отправил к американскому посланнику в Лондон депешу, говорившую, что вашингтонское правительство готово удовлетворить все претензии Англии по случаю неправильного ареста эmissаров и ждет только того, какие требования представит Англия, чтобы исполнить их. Пароход, который вез эту депешу в Англию, уже приближался к Европе, когда отправился в Америку пароход с угрожающею депешою Пальмерстона. Слух о получении из Америки депешы, отклонявшей всякую возможность вражды, распространился в Лондоне. Но «Morning Post», служащий органом лорду Пальмерстону, поспешил объявить, что нельзя ждать мирной развязки. Английские войска и военные корабли продолжали отправляться к американским берегам. Но из Америки шли слухи о невозможности иной развязки, кроме мирной; известия о дружеской депеше подтверждались. Газета, служащая органом лорда Пальмерстона, объявила, что английское правительство не получало от американского никакой депешы подобного содержания. Теперь, когда она обнародована, такое обманчивое отрицание показалось английской публике слишком дурным коварством и почти все газеты потребовали у «Morning Post» объяснения. Лорд Пальмерстон отвечал через свою газету, что миролюбивая депеша не была получена английскими министрами, то есть не была оставлена у них в копии американским посланником, а что он только прочел им ее. Таким образом, по формальному смыслу слов, газета Пальмерстона осталась права; но относительно сущности дела слишком ясно обнаружилось, что Пальмерстон, желая раздражать в англичанах расположение к войне с Америкой, преднамеренно вводил их в ошибку объявлением, опровергавшим справедливый слух о миролюбивых намерениях вашингтонского кабинета. Желание устроить войну с Америкой доходило в Пальмерстоне до того, что он повторил

эту фальшь даже и в такое время, когда она была уже слишком нелепа. Угрожающая депеша его очень затруднила вашингтонскому кабинету исполнение желаний, на которые уже заранее соглашалось вашингтонское правительство. Оно ждало только, чтобы Англия выразила желание обратной выдачи захваченных эмиссаров. Но желание было высказано таким повелительным тоном и сопровождалось такими угрожающими демонстрациями, что исполнить его теперь значило подать слишком сильный повод к истолкованию, оскорбительному для самолюбия северных штатов: их правительство выдало англичанам захваченных эмиссаров не потому, что находило справедливым это требование Англии, а потому, что испугалось ее угроз. Линкольн и Сьюард не отступили, однакож, от своего прежнего решения и объявили английскому посланнику в Вашингтоне, что они просят его назначить время и место для передачи пленников в его руки. Почтовый пароход, с которым было отправлено известие о такой развязке дела, прибыл в ирландскую гавань Квинстон и отправил в Лондон телеграммы. Некоторые из них были адресованы к банкирам, сообщившим их бирже, и газеты напечатали, что дело совершенно улажено. Пальмерстон отличился и тут. Почта из Квинстона в Лондон идет часов 16 или 18. Пальмерстон воспользовался этим промежутком времени, чтобы объявить в «Morning Post», что правительство не получало никаких официальных известий о дружественном окончании переговоров, о котором газеты говорят по биржевым слухам. Лондон снова встревожился. К чему могла послужить эта вторая проделка? Ведь Пальмерстон знал, что на другой день надобно будет признаться ему в неудаче военных замыслов на этот раз.

Английская публика была раздражена этим двойным обманом. Видно, что сердились на Пальмерстона и некоторые из его товарищей по министерству, особенно лорд Россель, орган которого «Daily News» с особенной точностью обнаруживал фальшивые маневры «Morning Post». Некоторые газеты предсказывали отпадение довольно значительного числа от депутатов лорда Пальмерстона, который и без того располагает в палате общин только большинством очень слабым. Дело еще не дошло до такого разрыва; но то верно, что Пальмерстон сильно повредил себе излишним коварством. Впрочем, он такой изворотливый человек, так умеет подлаживаться под все капризы публики, что скоро сумеет восстановить свою популярность. На что уже хуже было той беде, которую в 1858 году после орсиниевского дела навлек он на себя трусостью перед угрозами императора французов, требовавшего, чтобы удалены были из Англии враждебные ему эмигранты¹. Что же, через год Пальмерстон опять был первым министром и популярнейшим человеком в Англии.

В нынешний раз он сделал свои неудачные маневры также по влиянию парижского кабинета. Мы уже говорили в прошлый

раз, что французское правительство желало вовлечь Англию в войну с Америкой, чтобы получить более простора в распоряжении европейскими делами. Французские полуофициальные газеты громче английских кричали о необходимости омыть кровью обиду, нанесенную английскому флагу. С таким же усердием доказывают они, что Англия не может допускать продолжение блокады портов в южных штатах и должна начать войну, чтобы открыть подвоз хлопка, без которого нечего будет делать и есть работникам манчестерских фабрик. В этом случае многие хлопчатобумажные фабриканты в самой Англии сначала разделяли мысль французского правительства, и Пальмерстон хотел угодить им еще больше, чем императору французов, когда старался устроить войну из простого дела об аресте эmissаров.

Вопрос о хлопке действительно очень важен для Англии. Нынешний запас хлопка ливерпульских кладовых еще равняется обыкновенному количеству запаса в это время года. Но цена хлопка уже поднялась в полтора раза, и если не будет нового усиленного подвоза, к весне поднимется она еще вдвое, а к июлю месяцу весь прежний запас истощится. Легко было бы пособить делу, позаботившись с прошлой весны об увеличении привоза хлопка в Англию из Ост-Индии. Хлопчатая бумага уже возделывается там на огромных пространствах; население готово увеличить свои плантации до всякого размера, лишь бы иметь сбыт. Год тому назад англичане очень много говорили о том, что заменят американский хлопок ост-индским. В надежде на это было уже и отправлено из Индии количество хлопка, гораздо большее обыкновенного. Но весь этот план на первый раз рушился силою пристрастия манчестерских фабрикантов к американским сортам хлопка. Несмотря на недостаток в них, сбыт ост-индского хлопка в Англии не увеличивался, отпуск из Индии снова ослабел, и плантации у индийцев остались пока еще не расширившимися. Действительно ли Ост-Индия не может производить таких высоких сортов хлопка, как лучшие из американских, — этого мы не знаем. Но сам по себе ост-индский хлопок довольно хорош, в этом согласны все, и английские хлопчатобумажные фабрики могли бы пользоваться им. Всему помешала только рутина, которая повсюду очень упряма и не допускает ничего нового иначе, как вследствие крайней необходимости. Почувствовав недостаток материала, хлопчатобумажная фабрикация в Англии расстроилась, и вот какими черными красками изображает ее положение «Times»:

«С промышленной точки зрения графство Ланкастерское составляет как будто провинцию Соединенных Штатов. В Южной Америке жгут и топят хлопок или оставляют его на полях неубранным, а Манчестер несет свою долю этого бедствия. Много тысяч людей в нем остались вовсе без работы, у других работы лишь настолько, чтобы не совсем стояли без дела машины и могли сами они кое-как таскать ноги. Фабриканты собираются в лондон-

ских клубов и объявляют, что заперли свои фабрики. Будущее мрачно, и если северные штаты будут продолжать войну с южными, дело станет еще гораздо хуже. Не Южная Каролина, а Ланкастерское графство подвергается блокаде, потому что не там, а здесь чувствуется вред ее. Камни, которыми завалена Чарльстонская гавань, испортили не ее, а Ливерпульскую гавань».

Но что же делать? — продолжает «Times»: начинать ли войну для прекращения блокады? Этого хотят многие; «Times» еще не решается поддерживать их желания. «Подождем», говорит он. В самом деле начинать войну с северными штатами для получения хлопка из южных было бы самым нелепым безрассудством. Не дурно объясняет это «Revue des deux Mondes». Мы так редко чувствуем возможность соглашаться с этим distinguished журналом, вообще отличающимся самою пошлою непонятливостью, что несколько странно было нам встретить в нем правильное суждение об этом деле. Статья «Revue des deux Mondes» еще сильнее «Times'a» говорит о тяжелых последствиях от недостатка хлопка в Англии:

«Органы общественного мнения в Англии очень сильно стараются из самолюбия скрыть национальное бедствие или, по крайней мере, уменьшить его размер. Они лишь слегка говорят о том, как увеличился пауперизм в последние месяцы, и очень трудно собирать сведения об этом. А все-таки обнаруживаются грустные факты, и статистические отчеты дают нам догадываться о великости бедствия. Например, уже в начале ноября прошлого года из 842 бумагопрядильных машин в манчестерском округе только 205 работали безостановочно; 408 работали только по 5 дней, по 4 по 3 дня в неделю; а 49 машин стояли совершенно без работы. Из 72 257 работников, находившихся на этих заведениях, только третья часть продолжала получать полную плату; другая третья часть имела работу только по 4 дня в неделю; около 30 000, то есть шестая часть работников, были заняты только по 3 дня в неделю, а 8 тысяч оставались совершенно без работы. С той поры закрыто еще много фабрик, а другие еще уменьшили свое производство, так что теперь (в начале января) работа хлопчатобумажных фабрик уменьшилась, по крайней мере, наполовину против обыкновенного. Сообразно тому уменьшилась и сумма платы, получаемой работниками; обыкновенно простирается она до 24 милл. франков в месяц, а теперь понизилась до 12 милл.»

Многие думают, что если европейские морские державы заключат союз с южными штатами и доставят им победу, это тяжелое положение английской хлопчатобумажной промышленности прекратится. «Revue des deux Mondes» опровергает такую мысль. Предположим, говорит этот журнал, —

«предположим случай самый благоприятный для южных штатов, что они выйдут из войны победоносными, могущественными, защищенными от Севера цепью таможен и фортификаций, могущественным флотом и дружбою Англии; несмотря на свое торжество, плантаторы не будут в состоянии так много, как прежде, заниматься возделыванием хлопчатой бумаги и перестанут быть главными поставщиками ее для Англии. Монополия этой поставки была получена южными штатами Северной Америки потому, что они могли продавать тую хлопчатую бумагу дешевле других производителей других стран, возделывающих хлопок. Но если хлопок станет обходиться дороже прежнего

самим американцам, то по необходимости возрастет и продажная цена егд, и американские плантаторы потеряют прежнюю выгоду соперничества на европейских рынках. А стоимость возделывания хлопка в Америке неизбежно возрастет вследствие войны. Война обременит производство хлопчатой бумаги добавочными издержками, от которых оно сделается убыточным. Уже и до войны американский плантатор получал с тюка хлопка лишь незначительную выгоду, а после войны, как бы ни был успешен для него конец ее, расходы его чрезвычайно увеличатся. Если даже предположить, что негры останутся покорны попрежнему, что не нужно будет новых издержек на надзор за ними и на их наказание, то все-таки увеличатся расходы на их покорение, одежду, снабжение их орудиями труда и другими фабричными изделиями, которые получались прежде из северных штатов совершенно свободно, а по отделении южных штатов должны будут оплачиваться таможенными пошлинами. Кроме того, плантаторы, составив отдельное государство, должны будут содержать армию, флот и государственную администрацию. Им понадобится строить здания для правительства, платить проценты государственного долга, делать в мирное время расходы на приготовление к наступательным или оборонительным войнам. К каким налогам могут прибегнуть они для покрытия этих расходов? Будучи народом по преимуществу земледельческим, будучи принуждены получать из Франции, Англии, Канады все мануфактурные товары, — они должны будут открыть свои гавани свободному ввозу товаров с очень легкими пошлинами. Следовательно, и в мирное время придется им покрывать, как стараются они в военное время покрывать, свои расходы налогами на земледельческий продукт. Своим бюджетом они должны будут истощать источники своих доходов. Мало того, что налоги обременят американский хлопок и затруднят ему соперничество с иностранным продуктом, — самая перевозка хлопка станет гораздо дороже. В других хлопчатобумажных странах, особенно в Гиндустане, пути сообщения быстро улучшаются, а в южных штатах большая часть существующих дорог будет покинута за недостатком локомотивов или за порчею рельсов. Шоссе и простые дороги останутся перекопаны рвами и испорчены, мосты и дебаркадеры будут разрушаться; магазины обратятся в казармы во время войны; на поправку и содержание всех этих сооружений налог будет взиматься с хлопка. Наконец великим, непреодолимым затруднением успешному возделыванию бумаги в южных штатах [явится] то самое рабство, которое доселе казалось причиной быстрого его расширения. Нравственные законы неизменно мстят за свое нарушение, кто бы ни нарушил их, отдельный ли человек или целый народ. Мы и теперь имеем право спросить, не от рабства ли происходит нынешнее бедствие американских штатов, — не оттого ли, что одни из них имели невольников, а другие допускали это. Слишком слабые для мести, невольники не восстали на своих владельцев, но сами владельцы с ужасающим хладнокровием губят теперь себя. Подвергая свою страну военному вторжению, оставляя невозделанными свои поля, они из глубокого мира ринулись в ужасный риск междоусобия. Если их дело, то есть дело рабства, на время восторгается, если посрамлена будет совесть рода человеческого, то гибель их только замедлится, а не отвяжется: они безвозвратно обречены на нее сущностью своего дела. Для возделывания хлопка плантаторам нужна огромная территория. Они беспощадно истощают землю, на которой останавливаются, как истощают безжалостною работою силы негров. Истощив землю, они бросают ее и переносят плантацию на другое место, пока вся страна становится бесплодною. Вот причина, по которой столь многие плантаторы Виргинии, Мериленда и Кентуки перестали возделывать землю, занявшись выкармливаньем невольников для южных рынков. Те рабовладельцы, которые не хотели покидать занятой сельским хозяйством, должны были переселяться на новые земли. Сначала довольно было им земли по атлантическому побережью, потом перешли они за Аппалачские горы; купили Луизиану и Флориду; вторглись в великолепную долину Миссисипи. Они обратили всю силу Соединенных Штатов на завоевание Техаса и отняли у Мексики обширную территорию. Они нападали на

Кубу, хотя Куба принадлежит таким же рабовладельцам, как они сами, и отправляли пиратов в Гондурас и Никарагуа. Захватывая земли на юге и западе, они старались захватывать земли и на севере. Они получили от конгресса дозволение распространить невольничество в Канзас и Небраску (к счастью, это разрешение оказалось напрасно). Они получили от верховного суда власть над всем Севером, когда решено было, что в свободных штатах невольник точно так же остается собственностью владельца, как и в невольнических штатах. Теперь положение изменяется. Выдача беглых невольников еще не отменена официально, но невольническая конфедерация имеет границу. Она стала теснее прежней. Каков бы ни был исход войны, несомненно то, что останутся соединены с Севером страны, в которых огромное большинство населения — свободные люди: Мериланд, Делавэр, Колумбия, Западная Виргиния, значительная часть Миссури и Кентукки. Эта территория, превосходящая своей величиной Францию, потеряна для невольничества. Плантаторы, ограниченные пространством, меньшим прежнего, уже не могут заменять истощенных земель новыми, и возделывание хлопка будет обходиться им все дороже и дороже. Правда, креолы новой конфедерации, соединяющие англо-саксонскую настойчивость с южной страстностью, доказывают теперь, что способны делать величайшие усилия для достижения своей цели; но хотя их отважность и переносливость уравновесили на время силу Севера, они падут в напрасной борьбе против экономических и нравственных законов, управляющих обществом. Земля, подвергнувшаяся невольническому труду, слабеет в своем плодородии, и для восстановления ее производительности нужен свободный труд. Когда великолепный бассейн Миссисипи и долины Аппалачских гор будут населены свободными людьми, снова расцветут поля, опустошенные рабством».

К этим совершенно справедливым соображениям надобно прибавить еще два других. В случае отделения южных штатов от северных, торговля между этими двумя государствами, сделавшись заграничной, конечно, утратила бы часть прежней своей живости: таможня всегда служит задержкою, как бы легки ни были пошлины. Из этого следует, что отпуск хлеба с Севера на Юг уменьшился бы и южным штатам пришлось бы навсегда уменьшить хлопчатобумажные плантации для расширения своего хлебопашества, как это уже и начали они делать в прошедшем году. Другое соображение приводили мы еще при самом начале войны. Мы говорили тогда, что крайние аболиционисты Севера вовсе не желают удерживать Юг в государственной связи с Севером, а напротив, самым выгодным для своей цели решением считают признание независимости южной конфедерации. Как только была бы установлена граница между двумя государствами, невольники пограничной полосы Юга стали бы убегать в северное государство, и пограничным плантаторам не оставалось бы другого средства сохранить свою черную собственность, как передвинуться с ней подальше от границы на Юг. Таким образом, пограничные южные штаты быстро очистились бы от невольничества и присоединились бы к северному свободному государству. Граница невольничества постоянно подвигалась бы на юг, и с каждой новой пограничной полосой происходило бы то же самое. Таким образом, постоянно уменьшались бы и пространство и производительная сила невольнических штатов, быстро умень-

шался бы и сбор хлопка, если его возделывание основывается на невольническом труде.

Все это было бы самой благоприятной для аболиционистов развязкой дела. Потому люди проникательные давно уже поняли, что попыткой отделиться от Севера Юг сам ускорила отмену невольничества на всем пространстве прежнего Союза и что невозможно рассчитывать на получение из Америки прежнего количества хлопчатой бумаги, возделанной невольническим трудом.

Но и по этому вопросу, как всегда по всяким делам, число людей дальновидных довольно незначительно по сравнению с большинством, довольствующимся самым поверхностным взглядом на дело. И вот в Англии, как мы уже говорили, господствует напрасное ожидание, что лишь бы прекратилась блокада южных портов, привоз хлопка из Америки пойдет попрежнему. Разделяет или не разделяет Пальмерстон эту ошибочную надежду, но во всяком случае он действует так, как будто сам питает ее. Не имея никаких прочных принципов, он всегда основывал свой успех на угождении всякому мимолетному капризу общественного мнения, искал популярности не в том, чтобы заслуживать солидную славу реформами, достойными государственного человека, а в том, чтобы служить олицетворением всех слабостей и заблуждений английской публики. Его желание польстить ей в деле об аресте южных эмигрантов уже обошлось английскому народу довольно дорого: отправка войск в Канаду и вооружение эскадры для угрозы американскому берегу поглотило до 4 млн. фунтов. Деньги эти брошены совершенно на ветер; а между тем уже одна эта сумма, составляющая, по всей вероятности, только первую статью целого ряда задуманных Пальмерстоном подобных расходов, была бы почти достаточна на [покрытие] всего недочета рабочей платы у страдающих работников хлопчатобумажных фабрик.

Мы сказали, что Пальмерстон думает продолжать свои убыточные демонстрации против северных штатов. Действительно, едва успело кончиться дело об эмигрантах, как газеты лорда Пальмерстона начали убеждать публику в существовании новых поводов к неприятностям с вашингтонским правительством. Очень много шума наделали они криками об опасности, которой подвергается Канада. В северных штатах всегда господствовало мнение, что Канада недолго захочет оставаться английской колонией. Когда Пальмерстон стал грозить войной американцам, некоторые вашингтонские и нью-йоркские газеты начали восторженно кричать, что сама Англия приглашает Северо-Американский Союз к приобретению Канады: надобно поскорее заключить мир с южными штатами, и обе армии, соединившись, двинутся через реку св. Лаврентия на завоевание английских владений в Америке. Эти слова были выставляемы за выражение мыслей всего населения северных штатов. Обман был очень груб: газеты,

кричавшие о завоевании Канады, были органы северных союзников плантаторской партии. Они точно так же стремятся возбудить войну между Англией и Америкой, как лорд Пальмерстон ищет популярности угрозами против Америки. Они, как мы уже много раз замечали, рассчитывают, что иностранная война заставила бы Север согласиться на все условия, какие захотят продиктовать ему плантаторы. Но теперь эта партия на Севере бессилна, а все три партии, разделяющие между собой влияние на дела, не могут иметь и мысли о насильственном завладении Канадою. Умеренные демократы, умеренные республиканцы и аболиционисты никогда не представляли себе присоединение Канады к Соединенным Штатам иначе, как следствием желания самой Канады. В ее жителях постоянно была мысль слиться с Соединенными Штатами, и они удерживались от ее исполнения только двумя обстоятельствами. Во-первых, сами они не были еще так сильны, чтобы Англия беспрекословно приняла их отзыв, если бы они сказали, что слагают с себя зависимость от нее. Во-вторых, жителям Канады, имеющим совершенно европейское или аболиционистское отвращение от невольничества, было бы противно и унижительно входить в состав государства, признающего существование невольничества в некоторых своих частях. Первое обстоятельство — опасение тяжелой борьбы с Англией — быстро отстраняется возрастом могущества Канады. На устранение второго препятствия, то есть невольничества, надеются аболиционисты и даже умеренные республиканцы. Вот в каком смысле говорят жители северных штатов о соединении с Канадою, в смысле добровольного влечения обеих сторон к соединению. Но при нынешних обстоятельствах Канада не имеет ни малейшего желания вступить в состав Соединенных Штатов: она не хочет подвергаться тяжелым жертвам борьбы с Югом. Потому она стала вооружаться для защиты своих границ, когда возникло опасение войны между Англией и Соединенными Штатами. Пока внутренние дела Соединенных Штатов уладятся, ей выгоднее держаться в стороне от них. Этим расположением умов в Канаде отстранялась для Англии всякая опасность потерять свои северо-американские владения в нынешнее время: завоевывать Канаду Соединенные Штаты никогда не думали и не могут. Крики об этом, поднятые в Англии, были совершенно напрасны.

Но они все-таки имели хотя наружную благовидность. Даже и этого лишен был шум, поднятый лордом Пальмерстоном по случаю заваления камнями одного из фарватеров Чарльстонской гавани.

Читатель знает, что Чарльстон был первым центром восстания; он увлек за собой Южную Каролину, Южная Каролина увлекла за собой другие южные штаты. Понятно, что из всех южных городов Чарльстон наиболее ненавистен Соединенным

Штатам. Есть и другое обстоятельство. Чарльстон — самая важная гавань южных штатов на атлантическом берегу. По обоим этим причинам северным штатам нужно было блокировать Чарльстон самым строгим образом. Но дело это затруднялось многочисленностью фарватеров; особенно неудобно было наблюдать за одним из них, самым широким. Северные штаты прибегли к способу, новому в истории морских войн. Они нагроулили камнями 16 старых купеческих судов и затопили их в три ряда поперек фарватера, который труден был для блокады. Что тут неслыханно жестокого? Новость дела состояла только в том, что оно совершено против гавани неприятелем с целью усилить блокаду, а точно так же перегораживались фарватеры затопленными кораблями уже много раз самими защитниками гаваней, чтобы не допустить в них неприятеля. Так поступили, например, мы с Севастопольской бухтой. Ни англичане, ни французы не называли тогда нас врагами рода человеческого и нарушителями законов природы за это дело. А если нет ничего ненатурального, когда сами владельцы гавани на время портят ее по военной надобности, то еще менее можно претендовать за это на неприятелей. Но Пальмерстон, в согласии с французским кабинетом, захотел искать тут нового предлога для ссоры с северными штатами. Затопление чарльстонского фарватера было объявлено варварством, какого не видел мир со времени Чингиз-хана. Хладнокровные газеты замечали на это: но ведь если бы северный флот бомбардировал Чарльстон, сжег его дотла и погубил жителей под развалинами домов, тут не было бы ничего противного законам цивилизованной войны; каким же образом слишком уже бесчеловечно то, что, нисколько не портя ни одного дома в городе, не подвергая опасности ни одного из жителей, отнимают у этого города на время морскую торговлю? Пройдет война, и фарватер будет очищен, только и всего. Конечно, очищение фарватера будет стоить чарльстонцам довольно много денег; но неужели не позволительно подвергать неприятеля денежным расходам.

Не знаем, какие новые предлоги к ссоре с северными штатами найдут лорд Пальмерстон и французский кабинет. Теперь они как будто остановились на этом пути. Органы лорда Пальмерстона в последнее время стали говорить, что Англия желает сохранить строгий нейтралитет; император французов в речи при открытии законодательного корпуса сказал то же самое. Эта перемена произошла очевидным образом оттого, что западные морские державы поколебались в прежнем своем мнении о непобедимости южных штатов. Не знаем, до какой степени оправдывается фактами предположение, что южные штаты скоро увидят невозможность продолжать борьбу; но в конце января, когда мы пишем эти строки, господствовало такое ожидание в Европе. Прежнее сомнение в достаточности сил северных штатов для

победы над Югом распространялось в европейской публике больше всего письмами вашингтонского корреспондента «Times'a», который, подобно самому «Times'у», враждебен делу северных штатов. Но в половине января даже он увидел надобность изменить свои предсказания о непобедимости Юга. «Я никогда не сомневался (стал говорить он теперь), что громадное преимущество материальных и нравственных сил Севера обеспечивает ему скорую и решительную победу; это всегда было видно», — жаль, что в течение всего прошлого года он старался скрыть это. «Лишь бы хотели северные штаты вести борьбу до конца, исход ее неизбежно будет в их пользу», продолжает он. Но ему все-таки хочется поддержать в английской публике мнение, что Север не достигнет своей цели, что война останется напрасною и что потому Европа должна вмешаться в нее, помочь южным штатам. С этой целью он приискивает новый повод к сомнениям в возможности успеха северных штатов. И сам «Times», разделяющий желание своего корреспондента, начал ежедневно развивать его мысль. Она относится уже не к военной, а к финансовой стороне дела. Война стоит Северу очень дорого, — по приблизительному расчету, военные издержки его составляют около миллиона долларов (более миллиона руб. сер.) в день. На первое время успевали покрывать этот громадный расход займами без установления налогов, специально назначенных на военные расходы и на уплату процентов по военным займам. Деньги давались нью-йоркскими, филадельфийскими и бостонскими банками. Дав более 100 млн. долларов золотом государственному казначейству, банки эти в конце прошлого года увидели, наконец, что запасы звонкой монеты в их кассах начинают истощаться, и дали своим директорам право остановить размен своих билетов на золото, когда это будет нужно. Ровно ничего особенного тут нет: так делается во всех государствах через несколько месяцев серьезной войны; так сделано было и английским банком во время войн с Франциею в конце прошлого и начале нынешнего века. Правительство северных штатов знало, что займы звонкой монеты из банков годятся только на первое время войны, а для ее продолжения надобно будет прибегнуть к другим источникам, и обратилось к ним. Конгресс установил военные налоги суммой до 150 млн. долларов (200 милл. руб. сер.) и готов установить еще новые налоги в такую же сумму, если понадобится. Эта надобность может явиться через несколько месяцев, а теперь пока кажутся достаточными уже установленные налоги, часть которых пойдет на военные издержки, а другая послужит обеспечением процентов по заключаемым долгам и постепенного их выкупа. Первый из новых долгов решено сделать посредством замены некоторой части кредитных билетов частных банков кредитными билетами, выпускаемыми от правительства. Ровно никакой перемены в денежной системе по отношению к публике

тут не будет: как и всякая коммерческая страна, Соединенные Штаты чувствовали надобность, чтобы, кроме звонкой монеты, находились в обращении у них бумажные деньги, и бумажные деньги с самого начала республики существуют в Соединенных Штатах, как существуют в самой Англии. До сих пор они выпускались частными банками, теперь частные банки обязываются обменять часть своих кредитных билетов на билеты, выпускаемые правительством, вроде того, как английские частные банки и банкиры обязаны принимать билеты английского банка наравне с звонкой монетой. Что тут особенно страшного? Иное дело, если бы количество кредитных билетов, обращающихся в Соединенных Штатах, увеличилось через этот обмен; тогда можно было бы «Times'u» говорить об опасности упадка ценности бумажных денег в Соединенных Штатах и т. п. Но количество бумажных денег вовсе не увеличивается: частные банки вынимают из обращения ровно такую же сумму своих билетов, какую выпускает правительство. Этот оборот, вместе с установленными налогами, дает северным штатам финансовые средства на покрытие военных издержек до конца нынешнего года; а по мнению многих, южные штаты должны будут покориться раньше этого срока. Но если бы случилось не так, если бы война продлилась долее, финансовое положение северных штатов не представило бы ничего ужасного. Вопрос не в том, найдутся ли у них средства на ведение войны, а только в том, какая партия одержит верх в вашигтонском конгрессе: та, которая стремится покончить войну не иначе, как освобождением невольников, или та, которая хочет покончить войну каким бы то ни было образом, лишь бы поскорее покончить ее.

В конгрессе, который точнее всех других органов исполнительной власти служит представителем общественного мнения, постоянно усиливается партия аболиционистов; палата представителей и сенат уже начинают исполнять некоторые, на первый раз еще маловажные, части ее программы. Так, например, решено уничтожить невольничество в столице северного союза — Вашингтоне — и в округе этого города, называемом Колумбией и находящемся под непосредственным управлением союзного правительства. На выкуп невольников в этом небольшом округе конгресс назначил миллион долларов. Теперь идут в конгрессе прения о существеннейшей части плана аболиционистов: по мере того, как северные войска будут подвигаться на Юг, во всех занимаемых ими местностях должно быть по плану аболиционистов провозглашаемо освобождение невольников с выдачей вознаграждения тем владельцам, которые оставались верны Союзу, а владельцы, участвовавшие в восстании, должны быть оставлены без всякого вознаграждения. Этот проект был отсрочиваем уже несколько раз в нынешней сессии конгресса, да и в настоящую минуту аболиционисты еще не имеют силы провести его;

Но при каждом возобновлении прений возрастало число голосов, подаваемых за это предложение, и если война протянется, оно восторжествует.

Но совершенно иное направление обнаруживается в действиях президента и министерства. Видя быстрое возрастание крайней партии в конгрессе, исполнительная власть старается по возможности задерживать развитие событий в аболиционистском духе и сближается с демократической партией, желающей шадить интересы плантаторов. Разумеется, тут речь идет не о сочувствии Линкольна и Сьюарда к плантаторам: президент и первый министр также желают уничтожения невольничества; но они думают, что прежде всего надобно заботиться о прекращении войны; принятие аболиционистской программы укрепило бы отчаянную решимость южных плантаторов, отняло бы у них всякую охоту покориться, а этим продлилась бы война, если бы против крайней энергии отчаявшихся плантаторов не были приняты столь же крайние меры: формирование партизанских отрядов из свободных негров Севера, стремящихся идти на Юг, и призыв южных невольников к оружию. Едва ли можно будет избежать Линкольну этих решительных мер, если война продлится; но он не желал бы принимать их, потому что они подвергнут слишком большим опасностям белое население южных плантаций. Вот почему северное правительство до сих пор не допускает решительных людей стать во главе военных действий и даже сменяет тех прежних генералов и сановников, которые обнаруживают в себе аболиционистский дух. Так была дана месяца три тому назад отставка генералу Фримонту, командовавшему войсками в Миссури. После того, также за аболиционизм, получил отставку командир другого корпуса западных войск Зигель; наконец, в половине января, также за аболиционизм, получил отставку военный министр Камерон и на место его назначен демократ Стантон; говорят, что скоро будут удалены еще некоторые министры, разделяющие образ мыслей Камерона, и также замещены людьми более снисходительными к рабовладельцам.

Разумеется, умеренная республиканская партия, сохраняющая господство в кабинете Линкольна, делает эти пожертвования неохотно: она понимает, что они вредны для ведения войны. Фримонт пользовался огромной популярностью в западных штатах и их войсках, а Зигелем, немцем, чрезвычайно гордилась немецкая часть населения Соединенных Штатов, выставившая очень много волонтеров. Но умеренные республиканцы до сих пор хотели действовать против Юга не столько фактическими ударами, сколько моральным впечатлением, производимым огромностью сил, собранных Севером. Умеренные республиканцы хотели бы не то что победить Юг, а только склонить его к тому, чтобы он смирился. Потому генералы, возбуждающие энтузиазм в войсках, казались северному правительству несоответствующи-

щими его планам. Например, и Мак-Клелланд, сделанный главнокомандующим, принадлежит [к] людям, желающим вести войну с наимозможной пощадой для Юга. Мы уже говорили об этих отношениях месяца три или четыре тому назад. Ход событий подтверждает замечания, сделанные нами тогда. По мере того, как война длится, усиливается крайняя партия, желающая воспользоваться ею для немедленного уничтожения невольничества. Эта партия уже овладевает конгрессом, а президенту уже надобно смещать генералов и министров, чтобы она не овладевала ведением войны. До сих пор умеренным республиканцам, действующим через президента, еще можно было сохранять свое господство над гражданской и военной администрацией, и от этого происходит некоторая холодность между конгрессом и более умеренными органами исполнительной власти.

Люди, не знающие быта северных штатов, воображают, что несогласие главнокомандующего с мнениями, достигающими сильного влияния на конгресс, может грозить опасностью законному устройству вашингтонского Союза. Они подозревают Мак-Клелланда в честолюбивых замыслах и готовы предсказывать, что из него выйдет Наполеон I. Этому превращению мешают только два обстоятельства. Во-первых, Мак-Клелланд не одержал еще таких блистательных побед, какие дали Наполеону возможность захватить диктатуру; во-вторых, когда он одержит какие угодно победы, американцы припишут почти всю заслугу тут самим себе, массе войска, массе всего народа, а не силе одного человека. У них уже такая привычка считать отдельного человека существом не бог знает каким важным в отдельности от общества, которое дает ему и материальные и нравственные силы ко всему хорошему или блестящему, что он сделает. Они — народ впечатлительный, любящий шумные сцены; потому они готовы устраивать восторженные овалы тому или другому лицу, которое отличится чем-нибудь; но устраивают это, шумят и кричат они не столько в честь ему, сколько в свое удовольствие, и ни на минуту не забывают, что прославляемый герой ни больше, ни меньше, как их собственное создание, и всю важность свою получил лишь от того, что им вздумалось сделать его своим любимцем. Если же хоть немного покажется им, что он приписывает себе важность, не зависимую от них, они бросают его, и он возвращается в ничтожество.

На эти замечания мы вызваны появляющимися в газетах рассуждениями, будто бы война может породить в северных штатах серьезную диктатуру. А если бы не вздумали другие толковать об этой мнимой опасности, разумеется, мы и не коснулись бы предмета, совершенно не идущего к нынешнему положению дел в Северной Америке. Дело теперь не о том, какую роль будет играть какой-нибудь генерал, прославившийся необыкновенными победами, — ведь и побед еще никаких не было; наша речь

должна идти о том, в каком положении находится война, до сих пор ограничивавшаяся почти только одними приготовлениями к будущим сражениям.

Юг давно уже вывел в поле все силы, которыми мог располагать, а Север с каждым месяцем увеличивает силу своих армий. По отчету, представленному военным министром при начале заседания конгресса, в начале декабря северные штаты имели в своих армиях до 665 тысяч войска. После того попрежнему формировались все новые полки, так что численность действующих армий не увеличивалась только потому, что правительство не находило в том нужды. Новые волонтеры были оставляемы в резервах на случай надобности. Южные армии имеют от 300 до 400 тысяч солдат. Убедившись в превосходных силах неприятеля, южные генералы ограничивались оборонительной системою действий. Северные генералы не могли начать в прошлом году наступательных действий потому, что должны были заниматься обучением своих волонтеров. Теперь, по их мнению, войска приготовлены достаточным образом, и надобно с каждым днем ждать наступления. Оно должно начаться с флангов и с тыла главной армии южных штатов, расположенной по южному берегу Потомака. С правого фланга двинутся на нее отряды, которые будут перевезены морем на атлантическое побережье южных штатов. Один такой корпус под командой Бёрнсайда уже высадился на виргинском берегу. Вслед за ним будут отправлены другие корпуса, если этот первый окажется недостаточно силен. С тыла главной армии южных штатов действует корпус, высадившийся близ Чарльстона в порт-рояльской бухте. Полагают, что другие корпуса будут посланы на побережье Мексиканского залива. С левого фланга южной армии действуют также несколько отрядов, один из которых начал спускаться по Миссисипи. Другие пойдут сухим путем через Миссури и Кентукки на юг. Один из них уже одержал (в Кентукки) значительную победу над сепаратистами, как мы знаем из телеграфических депеш. Степень важности этого дела мы еще не можем определить, не имея более подробных известий о нем. Эти диверсии с востока, юга и запада должны, по мнению северных генералов, заставить южное правительство отделить из главной сепаратистской армии много войск на защиту прибрежных и западных границ южной конфедерации, и некоторые думают, что главная армия инсургентов, будучи ослаблена отделением отрядов, будет отступать к Ричмонду, не отваживаясь на сражение. У некоторых северных газет надежды еще значительнее: они полагают, что северные войска, высадившиеся на виргинском берегу, отрежут отступление главной армии инсургентов, так что она будет окружена и рассеется или положит оружие. Разумеется, это — догадка, основанная пока только на желании видеть такой исход дела. Верно только то, что северное правительство думает на-днях начать

общее наступление всеми своими силами и что к весне надобно ждать решительных действий.

Но пока силы американского народа заняты борьбой с южными плантаторами, западноевропейские державы пользуются для вмешательства в американские дела временною невозможностью вашингтонского правительства устранять европейское вмешательство из других частей американского материка. Попытки подобного рода начались при самом же начале междоусобной войны в Соединенных Штатах. Испанцы устроили заговор в Доминиканской республике, занимающей ту часть острова Сан-Доминго, которая прежде была подвластна Испании. Генерал-губернатор острова Кубы снарядил экспедицию; когда она была готова, заговорщики объявили, что жители Доминиканской республики желают восстановить над собою испанскую власть, при которой будет им лучше, нежели теперь; испанские войска высадились на берег по их призыву, овладели несколькими крепостями, захваченными врасплох, и переворот был совершен. Мы не упоминали о нем, потому что он не имел особенной важности, если бы на том и остановилось дело. Но первый успех ободрил западные морские державы, и теперь их вмешательство в американские дела уже получает с мекхиканской экспедицией такие размеры, которых нельзя оставить без внимания.

Формальный предлог к мекхиканской экспедиции состоит в том, что Мехика не платила процентов по своим долгам. Большая часть этих облигаций находится в руках англичан; довольно много их и у французов. Вот затем, чтобы заставить Мексику платить проценты, и снаряжена экспедиция из английских и французских кораблей и войск. Зачем тут примешались испанские корабли и войска, это совершенно неизвестно. Но как бы то ни было, Испания приняла самое горячее участие в экспедиции, и ее эскадра даже опередила эскадры двух других союзников. Если бы дело шло только о взыскании процентов, экспедицию надобно было бы назвать предприятием нерасчетливым: наверное она будет стоить англичанам гораздо больших денег, чем сколько составляют все долги мекхиканского правительства английским капиталистам. О долгах его французам нечего и говорить: они, без сомнения, в двадцать раз меньше издержек Франции на экспедицию для их взыскания. Потому рассудительные люди в Англии и Франции говорили своим правительствам: если вам уж так жалко кредиторов, теряющих свои деньги, то лучше прямо вознаградите их за потерю; это обойдется нам дешевле, чем вести войну с Мехикой для взысканий долгов. Но занимательнейшая сторона дела состоит в том, что войну для наказания мекхиканцев за неисправность платежей Англия и Франция начали как раз в то самое время, когда в Мехике установилось правительство, способное и хотящее быть исправным перед кредиторами; а пока не было надежды на появление такого

правительства в Мехике, пока кредиторы действительно не могли иметь надежды на получение процентов, никто заступаться за них не хотел. Это история такого рода.

С незапамятных времен буйствовала в Мехике так называемая клерикальная партия, которая имела на своей стороне полудикие племена, образовавшиеся из смешения испанцев с индейцами; из этих дикарей она набирала армию, которая всегда готова была грабить и резать в честь клерикалов. По временам народ, выведенный из терпения грабительствами, вооружался против этих бандитов, прогонял их в пустыни, но до последнего времени не имел столько благоразумия и стойкости, чтобы прочно обезопасить себя от их нападений. Призываемые клерикалами бандиты пользовались первой оплошностью мирного населения, чтобы снова явиться, низвергнуть правильную администрацию, поставить над Мехикою правителя из подобных себе молодцов. Последним из этих клерикальных правителей был Мирамон. Несколько лет шла борьба мирных граждан против его разбойнических шаек; наконец, с год тому назад бандиты были окончательно побеждены и Мирамон бежал. Вот, когда он и подобные ему предводители шаек господствовали над Мехикой, она, конечно, не платила процентов по долгам. Но западные морские державы ни мало не претендовали за то на Мирамона; напротив, они даже поддерживали его в борьбе со всеми честными гражданами. Теперь, когда им показалось, что времена прежних разбойнических смут окончились в Мехике, что законное правительство установилось прочно, западные морские державы двинули войска против этого правительства, которое само прямо говорило о твердом своем намерении удовлетворить претензии кредиторов. Эта мексиканская экспедиция не может быть понята иначе, как в смысле удивительнейшего примера макиавеллевской политики: надобно мешать устройству дел у других народов, чтобы держать их в бессилии и в зависимости от себя. Разумеется, никак не решились бы Англия, Франция и Испания на такое странное дело, если бы не видели, что Соединенные Штаты слишком заняты внутренними смутами.

Когда приготавливалась тройственная экспедиция, участвовавшие в ней державы уверяли, что ни мало не будут вмешиваться во внутренние дела Мехики и думают только вытребовать у нее гарантии для исправного платежа процентов. Теперь, как известно читателю, открывается не то: союзники предполагают завоевать Мехику и отдать ее одному из европейских принцев, — чаще всего этим кандидатом называют одного из австрийских эрц-герцогов, — чтобы он сделался мексиканским королем. Если положить, что это будет приятно и выгодно для династии, член которой получит власть над Мехикой, все-таки остается непонятным, из-за чего же тратят деньги и губят тысячи своих солдат три державы, бьющиеся для достижения такой цели. Ведь

они, как мы читаем, даже условились не представлять кандидатур на мексиканский престол никакого принца из своих династий, чтобы не возбуждать между собой зависти и споров и быть чистыми пред лицом всего человечества от подозрений в честолюбивых или своекорыстных замыслах. Из-за чего же они бьются?

Из-за чего бьются, этого нельзя понять; но для чего они занялись мексиканским делом, это видно. Они хотят утвердить свое влияние в южной части северо-американского материка²; они хотят все испытывать, до какой степени ослаблены Соединенные Штаты во внешних делах междоусобной войной. Соединенные Штаты не могли протестовать против экспедиции, которой не допустили бы в другое время, и, вновь ободренные этим доказательством желания Соединенных Штатов уклониться от внешней войны, лорд Пальмерстон и тюльерийский кабинет возобновляют речь о союзе с южными штатами против северных. В речи своей при открытии заседаний законодательного корпуса император французов говорил о намерении своем сохранять нейтралитет. Но тотчас же в полуофициальных французских газетах явились комментари, что Франция намерена соблюдать нейтралитет только в течение трех месяцев, эти три месяца даются северным штатам на испытание их сил. Если к весне они не кончат войны, это значит, что они взялись за войну безрассудно, и обязанностью западных морских держав будет прекратить раздор принуждением северных штатов признать независимость южной конфедерации. Этого необходимо требуют интересы хлопчатобумажной промышленности в Англии и Франции.

Разумеется, дело это зависит не от Франции, а от Англии, и в Англии — собственно от манчестерских фабрикантов. Полгода тому назад между ними господствовало мнение, что для них полезно было бы вооруженной рукой снять блокаду южных портов, и в угождение этому прежнему расположению действовал Пальмерстон, когда искал ссоры с Америкой. Но теперь манчестерские фабриканты, повидимому, стали думать иначе. По крайней мере, вот какое письмо напечатал один из них в «Daily News» по поводу речи, произнесенной одним из представителей Манчестера в палате общин, партизаном Пальмерстона, Масси:

«Г. Масси, повидимому, поддерживает партию, которая хочет возбудить войну с Соединенными Штатами из сострадания к бедствиям хлопчатобумажной промышленности в Англии и во Франции. Я полагаю, что из 20 фабрикантов 19 согласятся со мною, когда я скажу вам, что мы не хотим помощи, которую предлагает нам г. Масси; она была бы слишком дорога и напрасна. Если бы война и могла доставить нам хлопок, она подняла бы его цену до такой высоты, при которой уничтожилась бы вся наша промышленность. Если бы война и могла открыть гавани южных штатов, мы должны были бы платить за хлопок военную страховую премию, от которой цена фрахта слишком поднялась бы.

Если наше правительство хочет пособить хлопчатобумажной промышленности, есть к тому способ менее убыточный. Если бы казна прямо стала выдавать работникам хлопчатобумажных фабрик их жалованье, а фабрикантам

прибыль по сложности последних семи лет, и если бы это пособие выдавалось за все время бездействия фабрик по недостатку хлопка, то даже на это пошло бы меньше денег, чем на войну, и этот расход кончился бы скорее военного, потому что в нынешнем году мы, по всей вероятности, получили бы два миллиона тюков хлопка из Индии, а в следующем году станем совершенно независимы от американского хлопка. Потому, если правительство станет выдавать умеренное пособие тем из манчестерских работников, которые лишились занятия, оно поступит гораздо рассудительнее и израсходует меньше денег».

В этом же смысле принято единодушное решение митингом фабрикантов, бывшим в Манчестере в конце января.

Однакоже, если мы будем продолжать таким сухим тоном, мы окончательно потеряем право на внимание читателей, как люди, совершенно отсталые. Ныне все либеральничают, и мы волей-неволею должны подделываться под эту моду. Попробуем же писать в либеральном духе.

Каждому просвещенному человеку известно, что Прусское королевство — государство конституционное. Каждому даже и непросвещенному человеку известно также, что все люди, следовательно и просвещенные люди, могут заблуждаться; а из этого следует, что не должно принимать без критики упомянутое нами убеждение просвещенных людей. Очень может быть, что их мнение о государственном устройстве Пруссии ни больше, ни меньше, как иллюзия. Мы когда-нибудь займемся этим вопросом; но пока еще не занялись им, не имеем основания отвергать распространенный в целом свете взгляд на Пруссию, как на государство конституционное; напротив, должны пока думать, что самая распространенность вышеозначенного мнения служит некоторым ручательством за его истину. Принимая же его до дальнейшего исследования за истину, мы можем до поры до времени построить следующий силлогизм:

В конституционных государствах есть либеральные газеты.

Следовательно, в Пруссии должны быть либеральные газеты.

Основываясь на этом выводе, мы ищем прусских либеральных газет, и находим, что из всех попадающихся нам на глаза самая либеральная «National-Zeitung». В настоящее время приличие требует от каждого, как мы сказали, чтобы он старался иметь либеральный образ мыслей. Будем, как сказали, стараться об этом и мы. Пора, давно пора была нам позаботиться об этом; ведь на нас уже насыпаны целые горы упреков за нашу нелюбовь к свободе, за топтание в грязь всех деятелей и органов европейского либерализма от Маколея и Токвилля до Кавура и г. Ржевского³, от «Debats» и «Times'a» до почтенных порицателей наших в русской прессе⁴. Изнемогая под тяжестью заслуженных порицаний, мы, как уже объяснили, чувствуем нужду исправиться и хотим учиться либерализму, — но не у наших русских собратьев, речи которых сами слишком пахнут ученичеством, а у их достойных западноевропейских наставников, и на первый раз берем за руководителя себе «National-Zeitung».

Это предпочтение немецкого руководства английскому или французскому основано на том, что ныне приходится нам говорить о немецких отношениях: Австрия отличилась очень занимательными рассуждениями о бюджете. Начнем же с австрийского бюджета и послушаем, что говорит о нем наша руководительница «National-Zeitung».

«Государственные доходы и расходы, начиная с 1861 г., будут приведены в равновесие — такова моя воля», — так повелел император австрийский торжественным рескриптом от 11 ноября 1859 г.

«Если бы государственные доходы и расходы оставались без изменения, дефицит на будущий 1861 г. простирался бы до 43 миллионов гульденов. Но ожидаемое улучшение курса позволяет надеяться на уменьшение в 5 миллионов гульденов в расходах по потерям на курсе. Министры внутренних дел и юстиции обещают мне сбережение до 4 миллионов. Такое же сбережение возможно по финансовому управлению. Расходы по армии и флоту могут быть уменьшены на 11 миллионов. Итак, при неизменности прочих статей, дефицит 1862 г. уменьшится с 43 до 19 миллионов гульденов. Этой цифре равняется сумма расходов, назначенных на погашение государственного долга. Отложив это дело, мы можем считать, что между государственными доходами и расходами в 1862 г. будет сохранено равновесие». Так говорил управляющий министерством финансов Австрийской империи г. фон-Пленер 31 июля 1860 г. в своем *Соображении о финансовой будущности Австрии на 1862 г.*

Бюджет за 1861 год, в котором по императорскому повелению должен был исчезнуть дефицит, в котором по мечте министра финансов мог, по крайней мере, считаться дефицит исчезнувшим, — бюджет 1861 г. теперь у нас перед глазами, и в нем оказывается дефицит, равняющийся 110 186 000 гульденов.

Что значат мечты австрийских министров против логики финансового хозяйства, основанного на банкротстве и требующего невозможностей от народных средств.

Чем же покрыть этот дефицит в 110 милл.? — Не вечно прибегать к займам! — энергически восклицает фон-Пленер⁵: нужна бережливость! — Но, восклицая это, он объясняет, что дефицит будет покрыт кредитными операциями: государство возьмет деньги из банка, которому возвратит их в течение следующих 20-ти месяцев. Откуда возьмет оно тогда деньги, чтобы возвратить их банку, это никому неизвестно. Но то видно, что банк даст государству деньги, то есть сделает новый выпуск бумажных денег. От такой кредитной операции, по мнению г. фон-Пленера, поднимется курс бумажных денег.

Судьба Австрии да послужит для других государств уроком, чтобы они не делали расходов, превышающих финансовую их силу. Причину разорения Австрии служит безмерность расходов ее на войско».

Таковы размышления «National-Zeitung» об австрийском бюджете. Мы не имеем возможности опровергнуть фактов, на которых построена переведенная нами статья. Эти данные засвидетельствованы, к сожалению, самим австрийским правительством. Оно имело неосторожность объявить цифру своего дефицита и объяснить средства, которыми намерено покрыть его. Ошибка сделана, и у приверженцев австрийского правительства отняты ею всякие способы спорить с врагами австрийской системы относительно фактов. Но, к счастью, еще можно перенести прение в другую сферу, в область принципов и на почву исто-

рической необходимости. Этим оборотом дело австрийского правительства несомненно будет сыграно.

Расходы на войско в Австрии очень велики. Положим; но какую пользу извлекут противники австрийской системы из указания на этот факт, с благородством столь же излишним, сколько и добросовестным, выставленный самими австрийскими министрами? Неужели «National-Zeitung» думает, что австрийскому правительству приятно расходовать два гульдена там, где довольно было бы израсходовать один? Разве австрийское правительство дает подрядчикам и поставщикам больше, чем сами они требуют? Или разве нет в Австрии между купцами соперничества, так что берут они за поставляемые предметы больше, чем могут взять без убытка для себя? Нет. Вещь, продающаяся за гульден, покупается австрийским правительством не больше, как за гульден. Если и бывают злоупотребления, они поглощают лишь ничтожную часть казенных денег — какой-нибудь десяток миллионов из сотни миллионов. Злоупотреблениями нельзя объяснить огромного дефицита, — он почти весь остался бы, хотя бы ни один чиновник не пользовался ни одним казенным гульденом. Сообразите сами: австрийская армия многочисленнее французской, а ее содержание обходится почти наполовину дешевле. Между тем во Франции нет значительных злоупотреблений по военной администрации. Значит, не могут они поглощать много денег и в Австрии, — напротив, очевидно, что Австрия умеет содержать солдата на меньшее число рублей, чем содержится он во Франции.

«National-Zeitung» скажет: я именно о том и говорю, что армия в Австрии слишком многочисленна. Хорошо так рассуждать «National-Zeitung»; но мы опять спрашиваем: неужели она воображает, что австрийскому правительству приятно содержать две роты там, где достаточно одной? Неужели в самом деле австрийская армия существует для чьего-нибудь каприза? Если содержатся под знаменами эти люди жалкой наружности, плохо одетые, плохо обутые, то, конечно, не для доставления удовольствия кому-нибудь любоваться на них, а только по необходимости. Вот показала бы «National-Zeitung» возможность обойтись без такой многочисленной армии, тогда был бы смысл в ее словах.

«Мы готовы показать и каждый день показываем, какими способами можно устранить необходимость в содержании такой многочисленной армии, — скажет «National-Zeitung»: — надобно отказаться от Венеции, удовлетворить требования венгров, и можно будет тогда распустить больше половины армии». Странные люди! Сделают неосновательный упрек и потом придумывают предлагать невозможный способ для его отвращения. Какое правительство отказывалось когда-нибудь добровольно от обладания какую-нибудь землей? «National-Zeitung» винит австрий-

скую систему в обскурантизме, деспотизме и проч. Но в Англии было много раз правительство просвещенное и либеральное; однако же Англия никогда не отказывалась от господства над Ирландией, которая до недавнего времени точно так же ненавидела Англию, как Венеция Австрию. Да и сама «National-Zeitung» при всем своем либерализме соглашается ли на добровольное прекращение господства прусских немцев над тою частью Пруссии, которая стремится к отдельному от нее национальному существованию? Значит, обскурантизм и деспотизм австрийского правительства остается тут не при чем: либеральное правительство точно так же старалось бы сохранить власть над Венецией. А для этого надобно держать триста тысяч войска в Венеции и соседних областях: иначе итальянцы тотчас бросились бы из Ломбардии и Романьи на Венецию, да и она сама возмутилась бы, и австрийская власть над ней рушилась бы в две-три недели. Вот мы нашли, что одна половина австрийской армии занята делом, не допускающим уменьшить ее. Из другой половины большая часть нужна для охранения порядка в Венгрии. «National-Zeitung» говорит: «пусть австрийское правительство удовлетворит желаниям Венгрии, тогда не будет надобности содержать огромную армию в этом королевстве». Ведь это все равно, как если бы советовать купцу, чтобы он не брал торговой прибыли, или советовать землевладельцу, чтобы он не брал дохода с своей земли, или советовать «National-Zeitung», чтобы она отказывалась от подписчиков. Или нет: эти советы, совершенно нелепые, все-таки менее странны, чем советы, даваемые австрийскому правительству либералами. Удовлетворительная развязка венгерских отношений точно так же не зависит от австрийского правительства, как и разрешение вопроса о Венеции. Тут нужны совершенно иные обстоятельства, и виновато ли австрийское правительство, что обстоятельств таких до сих пор нет? Чтобы несколько разъяснить дело, сообразим положение венецианского вопроса.

Итальянцы хотят изгнать австрийцев из Венеции. Виновато ли австрийское правительство в том, что итальянцы до сих пор не приступали к исполнению этого своего желания? Очень может быть, что совершенно правы кавуристы, находящие итальянское войско еще слишком слабым для подобной попытки. Но если так, неужели австрийское правительство виновато в слабости итальянской армии? Неужели оно должно было заботиться об ее усилении? Никто не обязан хлопотать о развитии сил своего врага. Считать это обязанностью австрийцев — значило бы требовать от них великодушия, почти сверхъестественного. Но австрийцы оказывают даже и это столь тяжелое благородство. Сколько могут, они хлопочут об усилении итальянской армии. Они ни мало не скрывают своего намерения начать с Италией войну для восстановления прежнего порядка; они ссорятся и грозят. Чего же больше? Кажется, довольно ясно указывают они

итальянцам надобность усиливать национальную армию. Неужели можно ждать, чтобы они делали больше для итальянцев? Ждать было бы нельзя, но австрийцы превышают своим благородством все ожидания: они даже указывают итальянцам вернейший способ довести национальную армию до силы, какая нужна для успеха итальянского дела. Они выражают самую сильную тревогу, когда кто-нибудь в Италии говорит о формировании волонтерских корпусов. Регулярное войско не так их беспокоит; но воины, обязывающиеся служить только на время войны, не требующие, чтобы правительство содержало их в мирное время, и добровольно обязывающиеся идти на неприятеля без всякой надежды на выгоды, доставляемые военной карьерой, — эти воины чрезвычайно неприятны для австрийцев. Кажется, указание очень понятно: Италия должна заботиться о формировании волонтеров в подкрепление своему регулярному войску.

Как же после этого достанет у нас духу вместе с «National-Zeitung» порицать австрийцев за то, что они не могут привести к равновесию свой бюджет? Помилуйте, они делают все зависящее от них, чтобы поскорее избавиться от натянутого положения, вовлекающего их в чрезмерные расходы. Например, итальянцам они прямо говорят: усиливайте же свою армию и в особенности формируйте волонтеров, чтобы поскорее избавиться себя от опасности, своих соотечественников венецианцев от нашей власти, а нас от чрезмерных расходов на Венецию. Точно так же ясно указывают они и венграм на то, каким образом Венгрия должна избавиться венское правительство от чрезмерных расходов на нее. Стало быть, за то, что не исчезает дефицит из австрийского бюджета, надобно винить не австрийцев, а венгров и итальянцев.

А к весне нынешнего года опять возникают с увеличившеюся силой ожидания, бывшие к прошлогодней весне, что венгры и итальянцы вступят на путь, на который тянет их австрийское правительство. Относительно Италии Австрия даже принимает меры, чтобы развязка никак не могла быть отсрочена нерешительностью итальянцев в будущую весну, как была отсрочена в прошлую.

Австрия требует обезоружения Итальянского королевства. Рикасоли, конечно, не может согласиться на это. Австрия грозит, что пришлет ультиматум; Италия отвечает или думает, что не боится его. Если бы не император французов, удерживающий из любви к Италии слишком быстрые порывы Рикасоли к установлению и достижению полного единства Италии, война была бы неизбежна. Но при могущественном посредничестве французского правительства Рикасоли находит нужным быть скромным на словах, а еще больше на деле. Об Австрии нечего и говорить: она не начнет войны, пока не получит разрешение от Франции или не устроит против Франции какой-нибудь союз. Ни того, ни другого она еще не успела добиться. Все еще не может до-

биться Рикасоли и того, чтобы французы отдали итальянцам иностранный город Рим или, по крайней мере, сказали, что когда-нибудь отдадут его. Из последнего обстоятельства видно, как напрасны фразы о политическом коварстве. Политика всех держав действительно была коварна в отдаленную старину, в средние века или в следующие столетия, может быть даже и во времена дедов наших. Тогда точно было коварство. Например: зазовет к себе папа Александр VI или король Людовик XI гостей, да и отравит их или велит удушить. В XVII, XVIII веках этого уже не делалось; но бывали такие случаи, что назовет себя какое-нибудь правительство союзником другого, пошлет войска на его защиту, а потом и объявит своими занятые области. Так делывал еще и Наполеон I, — например, с Испанией. Но теперь этого уже не водится: даже и не дают обещаний, когда не имеют готовности исполнить их, и никакие просьбы не могут склонить к этому. Вот, например, Рикасоли бьется не из того, чтобы французы очистили Рим: дайте нам, говорит, только обещание, что очистите, а там и не очищайте; с меня довольно будет обещания, чтобы провести парламент. Нет, не дают. А вот любопытно тоже, что мы назвали город Рим иностранным для итальянцев. Незнающему человеку оно покажется странно; а ведь на самом-то деле так: Рим — столица католического мира, стало быть — принадлежит не Италии, а всей католической Европе; этот город настолько же ирландский, французский, испанский, португальский, австрийский, насколько итальянский, все равно, — как бы это сказать? — все равно что наша знаменитая зала в Пассаже: и цыганская она, потому что в ней цыгане пели, и театр она теперь, и ученым она принадлежит, потому что в ней лекции читались, и поэтам она принадлежит, потому что оглашалась аплодисментами гг. А. Майкову и Бенедиктову⁶. «Так, кому угодно, всякий может отличаться в зале Пассажа, но ведь это не мешает же ей иметь одного хозяина; точно так, почему бы и Рим не мог принадлежать одному хозяину, своему итальянскому народу?» Нет, это не так; сравнение было выбрано нами неудачно.

Но бедному Рикасоли не легче от этого. Лучше бы для него, если бы сохранилось в политике исчезнувшее из нее старинное коварство; от прямоты французского правительства он терпит ужасно. Вообразите, собрался парламент и спрашивает его. — Что вы сделали по венецианскому вопросу, по римскому вопросу? — «Нечего не мог сделать. Надобно только надеяться...» — На чем же основаны ваши надежды? имеете ли вы какие-нибудь обещания? — «Нет никаких обещаний». — Значит, ровно нечего нам и надеяться при вас, — думает парламент, и хоть не говорит он этого, а все-таки известно Рикасоли, что он думает, — и чувствует бедный министр, что хотят его столкнуть. Да и нельзя не чувствовать, когда не может Рикасоли даже найти человека,

согласного принять в его кабинете портфель министра внутренних дел: видно, каждый знает, что не стоит связывать своей карьеры с разваливающимся кабинетом Рикасоли. Обратился он к Ланце, — отказ, обратился к Бонкомпаньи, — тоже отказ, к Раттацци, — тоже, к Сан-Мартино, — то же самое. Приверженцы Рикасоли переглянулись, слыша, как их компаньоны отнекиваются от Рикасоли, и собрались рассудить, что это значит? Собрались, рассудили, — видят: Рикасоли никуда не годится; выбрали двух самых бойких между собою и отправили к Рикасоли сказать ему, что он не годится, пусть выходит из министров. Отправили депутацию, а сами продолжают рассуждать: прогоним его, кого же назначить? Переглянулись опять, каждый видит, что все остальные еще хуже Рикасоли. Некого выбрать. Рикасоли проведал об этом и говорит депутатам, явившимся с объявлением, чтобы он выходил в отставку: «Хорошо; завтра явлюсь я объяснить с гг. депутатами консервативной партии». Явился и говорит: «Заменишь меня у вас некем, так уж каков я ни есть (оно и точно, что плох, сам вижу), но уж вы меня поддерживайте». — «Хорошо, нечего делать, станем поддерживать», хором отвечали консерваторы, и Рикасоли остался правителем Италии. Вот и видно, — так оно даже и на географической карте нарисовано, — что в Италии земля клином сошлась: нет людей кроме Рикасоли, да и баста. То есть, оно, может быть, и есть люди; должно быть, даже много людей между теми, которые, наперекор нерешительности Кавура и самого Рикасоли, присоединили к владениям Виктора-Эммануэля Тоскану, герцогства, легатства, Сицилию, Неаполь; но те люди вообще — все непорядочные люди. Стало быть пока нет крайности, порядочные люди с ними и не могут иметь дела. Только крайность может заставить благомыслящего человека замарать свою руку пожатием мозолистой руки какого-нибудь Гарибальди или грязных рук его приятелей. А ведь у его приятелей грязные руки. Бергани — вор; Никотера — бандит; эти еще хоть не уличены, а другие даже осуждены законным порядком в трибуналах Итальянского королевства как убийцы; Рикасоли недавно объявлял, и Кавур незадолго пред смертью тоже объявлял, что не может он признать несправедливым приговора, произнесенного над одним из них, и потому не может допустить его возвращения на родину. Такие люди, подвергающиеся справедливым приговорам судилищ, конечно, могут только удить рыбу в мутной воде; — вот поэтому-то они все и мutilи Италию против австрийцев и австрийских клиентов, мutilи, мutilи, и — составили нынешнее Итальянское королевство. Будут смутные времена, придет неминуемая беда от австрийцев, тогда они понадобятся и обратят беду в полное торжество итальянского единства. А теперь хоть все идет плохо в Итальянском королевстве, но беда еще далека, стало быть — можно называть этих людей ворами и убийцами, сумасшедшими и злодеями.